

тия (последовательного лишь на первый взгляд) Толстым колониального господства, может быть реализована в анализе и других преломлений топосов власти, неравенства, несправедливости в его жизни и творчестве. «Бессознательная психология барина» — так определила Л.Я. Гинзбург черту, запечатлевшуюся в морализаторских выступлениях Толстого за то, чтобы имущие горожане совмещали умственный труд с необходимым для удовлетворения их насущных потребностей трудом физическим (живя в Москве, он подавал личный пример усердной возкой воды в бочке):

...это рассуждения человека, который обслуживает себя в пределах готового домашнего хозяйства, налаженного чужими руками. Он привез воду, но кто-то достал бочку для этой воды, кто-то кормил лошадь, на которой ее возят. <...> Если бы он знал, как трудно, когда нужно об этом думать, когда все, что служит тебе, служит только ценой твоих личных усилий. Гений, понимавший все, этого так и не понял⁵⁶.

Эту самую «разреженность» повседневной социальной коммуникации, которую гениальный творец делил с самыми заурядными членами привилегированных страт сословного общества, стоит брать в расчет, читая его творения. (Понятое в антропологическом ключе, марксистское клише «классовая ограниченность» обнаруживает хороший эвристический потенциал.) Как следствие, стереотипизация и редукция могли касаться и тех объектов в его литературном мимесисе, что стояли в его ценностной иерархии выше, чем кажущаяся экзотичность быта и культуры степных кочевников.

Юлия Красносельская

(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Покупка земли — способ обогащения или познания?

Нельзя не признать, что в статье Э. Бояновской описан недостаточно хорошо изученный сюжет. Обращаясь к истории покупки Львом Толстым земли в Самарской губернии, исследовательница рассматривает ее исходя из экономической и постколониальной перспективы и приходит к выводу, что этот проект был затеян для быстрого обогащения за счет вытеснения с самарских земель коренного башкирского населения. Признавая «моральную расплату» Толстого за увлечение «земельной лихорадкой», свидетельством чего является знаменитый рассказ «Много ли человеку земли нужно», Бояновская настаивает на том, что изменение взглядов писателя было вызвано озабоченностью по-

56 Гинзбург Л.Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека / Сост., подгот. текста, примеч. и ст. Э. Ван Баскирк, А. Зорина. М.: Новое издательство, 2011. С. 187.

ложением русских переселенцев, в то время как к социально-экономическим тяготам местного населения он так и остался равнодушен.

Работа прежде всего ценна соединением анализа художественного творчества и хозяйственной деятельности Толстого при поддержке архивных разысканий. Немаловажную заслугу Э. Бояновской мы видим в продуктивной работе в архивах ГМТ, ГАТО и ГАСО, содержащих малоизученные, а то и вовсе остававшиеся неизвестными материалы, имеющие отношение к толстовским приобретениям. Интересными и подтверждающими основную мысль автора представляются сведения о том, что перевод в казенное владение земли, впоследствии приобретенной Толстым, оспаривали башкиры; не менее ценен анализ фрагмента «Декабристов», в котором описывается тяжба между помещиком и крестьянами и который, как полагает Бояновская, имел автобиографическую основу, отсылая к попыткам Толстого опередить мужиков-конкурентов и получить в собственность приглянувшееся ему имение. В целом избранный автором ракурс позволяет освежить восприятие самарского кейса и приносит свои плоды в виде новых фактов и гипотез.

В то же время трудно согласиться с Э. Бояновской в том, что о самарских имениях писали лишь как о «скромном месте для отдыха» семьи Толстых. В работе не приведено ссылок на соответствующие интерпретации. Более того, по мнению исследовательницы, башкирский сюжет замалчивался, дабы не скомпрометировать писателя. Однако, говоря об истории вопроса, Бояновская ограничивается анализом биографических работ, в которых этот эпизод описан слишком бегло. Это действительно так, но причина заключается не в замалчиваниях, а скорее в том, что фундаментальная история толстовской хозяйственной деятельности, важной частью которой являются самарские начинания, еще не написана. Имперская и колониалистская проблематика русской литературы также требует, конечно, более серьезного изучения; признавая поэтому работу Э. Бояновской своевременной, мы тем не менее полагаем, что некоторые предшественники, рассматривающие самарский сюжет не только в рамках дискурса «Толстой как лучший друг башкирского народа», у нее были. И прежде всего это сам Толстой, утверждавший в «Исповеди», что не было преступления, которого бы он не совершал. Хотя исследовательница полагает, что ее изыскания позволяют пересмотреть даже образ позднего Толстого, усомниться в его антиколониализме, мы думаем, что для столь радикальной переоценки репутации писателя работа Бояновской оснований не дает.

Что касается изучения имперскости сознания Толстого, то еще двадцать лет назад в книге Э. Маевской Томпсон «Имперское знание: русская литература и империализм» выражалась надежда на описание русской литературы с точки зрения того, «как русские писатели оформляли свое согласие или несогласие с русским империализмом, как они риторически присваивали имперские территории и присваивали Другому характеристики, подходящие для него при <данном> порядке вещей»⁵⁷. Одним из перспективных объектов такого исследования автор называла Толстого, хотя башкирскую тему не рассматривала. Зато в последние годы интерес исследователей ко взглядам Толстого на освоение окраин Российской империи и к его замыслу романа о переселенцах заметно вырос: ср., например, дискуссию О.Е. Майоровой и М.Д. Долби-

57 *Thompson E.M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. P. 29.*

лова в рамках круглого стола в ГМТ «Литература в поисках действительности» 2019 года⁵⁸ или статью К.В. Анисимова 2017 года, который также рассматривал самарские поездки и ряд литературных примеров в контексте восприятия Толстым «практик европейского ориентализма», однако приходил к противоположному выводу о том, что «жизнестроительные эксперименты» Толстого в степи указывают на его символическую солидаризацию с башкирами, а не с имперской администрацией⁵⁹. Таким образом, работу Э. Бояновской уже можно встроить в определенную научную традицию.

Не в первый раз Толстому делается и упрек в том, что его самарские начинания шли вразрез с его морально-религиозным учением. Об этой «раздвоенности» писал в связи с рассказом «Много ли человеку земли нужно» А.М. Эткин⁶⁰; о ней чрезвычайно любят сообщать авторы научно-популярных работ — например, Н.А. Никитина указывает на то, что

многие годы Толстой упорно копил деньги, скупал дешевые башкирские земли, а подводил итоги полным отрицанием денег, считая их величайшим развратом, преступлением. Писатель рассуждал об опасности богатства, вреде денег, но имел при этом полумиллионное состояние; говорил о трех аршинах земли, а сам при этом имел 8 тысяч десятин⁶¹.

Итак, самарская тема чаще всего подводит исследователя к констатации «кричащих противоречий» Льва Толстого. Бояновска, что правильно, пытается уйти от такого подхода к теме, показав не столько раздвоенность Толстого, сколько его переход от «страсти к земле» к моральному раскаянию за эту страсть. И все же ее интерпретация оборачивается признанием все той же «противоречивости» писателя: как пишет автор статьи, «толстовское видение империи не лишено характерных толстовских противоречий», а антиколониалистские высказывания писателя отчасти обесцениваются тем, что в реальности он «он закрывал глаза на страдания вытесняемых кочевников». Правда, трудно понять, почему его поздние высказывания должны нивелироваться более ранними покупками или словами. В своей «первой» жизни Толстой не только скупал башкирские земли, но и допускал возможность участия в подавлении Венгерского восстания 1849 года и Польского — 1863 года; он участвовал в войне с горцами и в черновиках «Набега» выражал уверенность в том, что в этой войне «справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне» (III, 234); даже если говорить о его отношениях с русскими крестьянами, то можно вспомнить о том, что он не проявил особой щедрости при их освобождении. Очевидно, что человеку его эпохи, происхождения и социального положения было непросто выдавливать из себя дворянский или имперский снобизм; в этом смысле сделанное Бояновской сопоставление Толстого-империалиста с областником Н.М. Ядринцевым, сумевшим «возвы-

58 <https://www.youtube.com/watch?v=C018n7900gI&t=3428s> (дата обращения: 10.05.2023).

59 Анисимов К.В. «В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев». Л.Н. Толстой инвертирует Европейский ориентализм (творчество и житие в башкирской степи) // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 144, 157.

60 См.: Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 16.

61 Никитина Н.А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 161.

ситься над духом времени», не кажется правомерным. Ядринцев родился в Сибири, так что его «знаменитые выступления в защиту коренных жителей Сибири» облегчались тем выигрышным положением, о котором на примере тургеневского Инсарова рассуждал Н.А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?»: бороться с турками проще, нежели с «внутренними турками», сидящими в самом русском человеке⁶². И тем большего уважения, думается, заслуживает борьба с самим собой, проделанная Толстым после религиозного перелома.

На наш взгляд, выйти из лабиринта толстовских «противоречий» можно, попытавшись реконструировать ход мысли самого Толстого и понять, что же стало причиной его якобы «слепоты». Бояновска смотрит на проблему скорее извне, отстраненно: в сущности, ее главный тезис состоит в том, что, какими бы намерениями ни руководствовался Толстой, *объективно*, самим фактом самарских приобретений, он способствовал ухудшению жизни «инородцев» Российской империи. Но в то же время она касается и восприятия проблемы писателем, указывая на то, что Толстой был слишком сосредоточен на земельном вопросе, а потому даже в поздние годы недооценивал вопрос национальный как самостоятельную и острую проблему современности.

Попробуем понять причины этой сосредоточенности. Чрезвычайно важно, что Толстой всегда стремился быть практичным человеком. Это проявлялось не только в покупке земли, но и в том, что даже после своего религиозного переворота он иногда допускал возможность взаимодействия с верховной властью и ее административными структурами во имя реализации своих идеалов (можно вспомнить, к примеру, одобрение им идей Генри Джорджа, фактически предлагавшего провести национализацию земли, или созыва Земского собора в 1905 году, или плана по переселению духоборов в Манчжурию для постройки Китайской железной дороги). Поэтому и идею Бояновской о его нечуждости имперской идее нельзя отвергать по умолчанию. Однако в подобных случаях им руководили скорее тактические соображения (понимание того, что вне компромиссов достижение нужной цели затруднительно), чем готовность к реальной консолидации с руководящими инстанциями. В первую же очередь практическая деятельность Толстого, в том числе в Самарской губернии, определялась его религиозно-философскими представлениями⁶³, которые в статье не рассмотрены. Между тем земельный вопрос был для него вопросом не просто экономическим или социальным, но и религиозным. Толстой воспринимал покупку земли как практический способ познания идеи природы, пространства, нации и т.п., почему и писал А.А. Фету, что покупка самарского имения для него есть «лучший предлог для узнания настоящего положения края» (LXI, 256). В 1860-е годы, отчасти на волне позитивистских веяний, он много размышлял о «размещении» как задаче истории и о «всемирно-народной» идее России в частности. Это во многом предопределяет и его замысел романа о переселенцах, и самарские приобретения, поскольку русская идея действительно мыслилась им тогда как буквальное завладение пространством через его сельскохозяйственное освоение. Однако в 1870-е годы

62 Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. С. 139.

63 См. Красносельская Ю.И. Символика природы в творчестве Л.Н. Толстого 1850—60-х гг. в контексте литературных и общественно-политических полемик эпохи: Дис. ... канд. фил. наук. М., 2008.

Толстому под влиянием Шопенгауэра начинают казаться иллюзорными человеческие представления о пространстве, которое лишь условно может «размечаться» на свое и чужое, русское и заграничное, близкое и далекое. Идея относительности пространства, в свою очередь, скорее подрывала основания империи, чем поддерживала их. Толстой так и не смог закончить «Декабристов» и написать роман о переселенцах, поскольку само понятие «русского» на новом этапе его идейных исканий разрушалось как субъективная *Vorstellung* вместе с границами и идеей русского государства. Земельный вопрос оказывается у него центральным как раз потому, что из определенного представления о пространстве вырастают и идея частной собственности, и идея государства. Соответственно, субъективизируя понятие пространства, он разрушал идею государства, а вместе с ней — идею замкнутой национальности. Русский мужик со своим плугом оказывается у позднего Толстого уже не проводником империи, а человеком вообще, в соответствии с «естественным правом» добывающим себе пропитание путем обработки земли там, где ее еще никто не обрабатывает. Такой космополитизм, равно как и тяга к скитальчеству, сближали русского человека с кочевыми народами Азии⁶⁴. Так что если башкиры во «Много ли человеку...» и предстают у Толстого фигурами абстрактными, якобы отказавшимися от частной собственности, то не потому, что ему не было дела до их реальных практик землепользования, а потому, что за условной национальной формой Толстой пытался разглядеть «сущность» человека, увидеть в башкире нечто не «небашкирское», а «надбашкирское».

Вернемся от концептуальных построений самого Толстого к его «объективной» роли колониалиста и социально-экономическому обоснованию статьи Бояновской. Не оспаривая факта ужасного расхищения башкирских земель в 1870-е годы, заметим, что указанные в работе особенности землепользования в Самарской губернии, объясняющие «баснословные» доходы Толстого, все же следует вписывать в более широкий контекст перестройки земельных отношений в пореформенной России. Толстой упрекается в том, что, решив сдать дела, он передал землю в аренду русским крестьянам, а не башкирам, у которых она за сорок лет до того была отнята. Но вопрос о чьем-либо праве на землю даже в исторически «великорусских» губерниях был в XIX века чрезвычайно дискуссионным, порождая бесконечные тяжбы и конфликты между помещиками, помещиками и крестьянами и т.д.⁶⁵ Как признаёт сама Бояновская, в Самарской губернии «одна и та же земля могла быть продана дважды разным покупателям или перепродана незаконно», что наводит на мысль о том,

64 См. об этом: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОССПЭН, 2019; *Denner M.A.* Resistance Is Futile, but Nonresistance Might Work: The East and Russia in Tolstoi's Political Imagination, 1905–10 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. No. 1. P. 37–56; *Kolsto P.* Power as Burden: The Slavophile Concept of the State and Lev Tolstoy // *The Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 559–574; *Schönle A.* The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Oxford, New York: Peter Lang, 2007.

65 См.: *Долбилов М.Д.* Земельная собственность и освобождение крестьян // *Собственность на землю в России: история и современность* / Под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 45–152; *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011.

что и покупатели земли могли становиться жертвами афер и неразберихи, не зная толком, кто является ее «законным» правообладателем. Во-вторых, как показал С. Беккер, в 1880-е годы крутой рост цен на землю наблюдается по всей стране вследствие высокого спроса на нее со стороны крестьян и изменения уклада жизни бывших помещиков⁶⁶.

Кроме того, Бояновска упрекает Толстого в том, что хотя в 1873 году он и написал открытое письмо о голодающих Самарской губернии, он не упомянул в нем башкир, и та помощь, организации которой он способствовал, едва ли дошла до них. Можно, конечно, считать разовой благотворительностью, не меняющей положение колонизируемых народов, наем Толстым жнецов из татар и помощь им «харчами»⁶⁷; можно сомневаться в достоверности сведений о помощи Толстого башкирам во время голода, которые со ссылкой на табунщика И. Сафина представлены в статье А.И. Ярмухаметова «Толстой среди карялекских башкир»⁶⁸. Однако Толстой описывал каждый десятый двор Гавриловки уж точно не затем, чтобы помощь дошла только до упомянутых в его письме семей, а, наоборот, как раз затем, чтобы его не обвинили в пристрастном отборе наиболее «жалобных» примеров. Перепись была риторическим приемом в духе чрезвычайно модной тогда научной дисциплины — статистики, а не реальным статистическим исследованием или изошренной выборкой счастливых, заслуживших вспоможение. К тому же в Гавриловке (равно как и в ближайшей Патровке), согласно статистическому отчету 1869 года, башкиры не проживали — там было лишь несколько мордовских семей⁶⁹. И уж по крайней мере, во время голода 1890-х годов знакомые и близкие Толстого были весьма озабочены положением башкир (как и других народов, проживающих на той же территории). А.С. Пругавин, с благодарностью вспоминая о том, как Толстой направлял к нему проверенных людей для помощи голодающим, отмечает, что «такие люди особенно нужны были в татарских и других иногородческих селах и деревнях, наиболее пострадавших от голода и наиболее беспомощных вследствие отсутствия местной интеллигенции»⁷⁰. Л.Л. Толстой в своих отчетах о трате средств, полученных от жертвователей для крестьян Самарской губернии, подчеркивает, что нужда сильнее всего ударила по иногородцам губернии, прежде всего татарам, и сообщает адрес лица, ответственного за сбор средств для бедных татар уезда⁷¹. Безусловно, здесь речь идет

66 См.: Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

67 См.: Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом // Лев Толстой и Самарский край: воспоминания, письма, статьи: учебное пособие-хрестоматия / Авт.-сост.: А.И. Мартиновская. Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2009. С. 42; Толстой С.Л. Очерки былого. Тула: Приок. кн. изд-во, 1975. С. 47.

68 См. Ярмухаметов А.И. Толстой среди карялекских башкир // Яснополянский сборник 1960. Тула: Тул. кн. изд-во, 1960. С. 215—220.

69 Статистические таблицы Самарской губернии / Табл. обработаны помощником предс. ком. П. Рихтером и секр. ком. Е. Анучиным. Самара: Самар. губ. стат. ком., 1869—1871. Отд. 1: 1. Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. 1869. С. 170—171.

70 Пругавин А.С. О Льве Толстом и толстовцах // Лев Толстой и Самарский край: воспоминания, письма, статьи: учебное пособие-хрестоматия / Авт.-сост.: А.И. Мартиновская. Самара: Самарская гос. акад. культуры и искусств, 2009. С. 101.

71 Толстой Л.Л. В голодные года: записки и статьи. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. С. 72, 82, 165, 170, 171.